

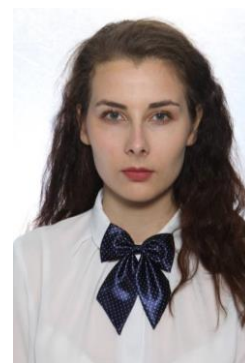
Научная статья
УДК 930.2
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-7>

Константин Ильич Шнейдер
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия
kshneyder@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0003-1762-0815>

Konstantin I. Shneider
Perm State University
Perm, Russia
kshneyder@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0003-1762-0815>

Ирина Николаевна Веревкина ✉
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия
arina_verevkina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9366-2190>

Irina N. Verevkina
Perm State University
Perm, Russia
arina_verevkina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9366-2190>

Трансформация самодержавия в Российской империи в начале XX в.: Взгляд С.Ю. Витте *

Transformation of autocracy in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: Sergei Witte's viewpoint

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды одного из первых отечественных публичных политиков и наиболее влиятельных чиновников рубежа XIX–XX вв. С.Ю. Витте

* Для цитирования: Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация самодержавия в Российской империи в начале XX в.: Взгляд С.Ю. Витте // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 926–965, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-7>

For citation: Shneider, K., Verevkina, I. “Transformation of autocracy in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: Sergei Witte's viewpoint.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 926–65, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-7>

© Шнейдер К.И., Веревкина И.Н., 2021

© Shneider K., Verevkina I., 2021

на предмет трансформации российского самодержавия. Основным источником являются «Воспоминания» С.Ю. Витте, а также документы из его личного фонда, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В качестве методологической основы исследования выбрана междисциплинарная исследовательская парадигма «перформативного поворота». Взгляды автора мемуаров на процесс трансформации самодержавия рассматриваются через призму следующих научных категорий: «образ власти», «сценарий власти», «авторитетный дискурс», «политический миф», «перформативный сдвиг», «принцип вменяемости». Анализ представленной в тексте историографии позволяет обосновать релевантность применения «перформативного» подхода к исследованию исторических реалий России конца XIX – начала XX в. Особое внимание в тексте уделено личностным характеристикам двух последних российских императоров, данным автором «Воспоминаний» на страницах своих мемуаров, что является важной составной частью репрезентации С.Ю. Витте процесса эволюции института самодержавия в России в предреволюционный период. Вызывают пристальный академический интерес его содержательные «портреты» отечественных политических партий в пору их институционального оформления и программной самоидентификации. При анализе разнообразного материала по заявленной теме остаются востребованными интересные нюансы отставки С.Ю. Витте, представленные им в предельно субъективной оптике восприятия. В заключительной части статьи делаются выводы о содержании и элементах концепции «трансформации самодержавия», а также описывается влияние новых политических институтов на указанную трансформацию в изменившейся общественно-политической обстановке.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, мемуары С.Ю. Витте, самодержавие, монархия, Российская империя, Николай II, Александр III, образы власти, «перформативный поворот».

Abstract. The article examines the opinions of Sergei Witte, one of the first Russian public politicians and one of the most influential officials of the turn of the 19th–20th centuries, on the transformation of the Russian autocracy. The *Memoirs* of Sergei Witte as well as documents from his personal fonds stored in the Russian State Historical Archive (RGIA) constitute the source basis of the research. The interdisciplinary research paradigm of the performative turn was adopted as the methodological basis of the research. S. Witte's views on the process of transformation of autocracy are considered through the prism of the following scientific categories: the image of power, scenario of power, authoritative discourse, political myth, performative shift, the principle of outsideness. The analysis of the historiography presented in the article allows us to justify the relevance of the performative approach to the study of Russia's historical realities in the late 19th – early 20th centuries. Special attention is paid to the personal characteristics of the last two Russian emperors, which were given by Sergei Witte in the pages of his *Memoirs* and became an important part of Witte's representation of the process of evolution of the institution of autocracy in Russia in the pre-revolutionary period. Of considerable academic interest are his substantial "portraits" of Russian political parties at the time of their institutional design and programmatic self-identification. Interesting nuances of Sergei Witte's resignation presented by him in the extremely subjective optics of perception remain of high relevance for the analysis of various materials on the subject. The final part of the article draws conclusions about the content and elements of the concept of transformation of autocracy and describes the influence of new political institutions on that transformation in socio-political situation which had been changing.

Key words: Sergei Witte, Sergei Witte's memoirs, autocracy, monarchy, Russian Empire, Nicholas II, Alexander III, images of power, performative turn

Введение

Рубеж XIX–XX вв. – это особый период не только в российской, но и в мировой истории. Данную историческую эпоху можно охарактеризовать как время глобальных трансформаций, затронувших все сферы общественной жизни. Безусловно, кардинальные изменения не могли обойти стороной область политики и государственного управления. Следствием модернизационных процессов рубежа XIX–XX вв. стало появление новых каналов коммуникации, в результате чего сфера политики стала публичной, что способствовало зарождению феномена публичной политики.

Одним из первых государственных деятелей Российской империи, демонстрировавших элементы публичного политического поведения, был С.Ю. Витте¹. Он обладал невероятно современным взглядом на понимание феномена публичности политического деятеля: его репутация в общественном мнении беспокоила его отнюдь не меньше, чем достижения в бюрократической карьере².

Кейс Витте как публичного политика рубежа XIX–XX вв. уникален. На протяжении всего периода нахождения на государственной службе Витте был одним из самых влиятельных бюрократов Российской империи. Даже после своей отставки с должности председателя Совета министров (отставки с высших государственных должностей считались «политической смертью») Витте продолжал оставаться в пространстве публичной политики, благодаря коммуникациям с журналистами и написанию мемуаров. Публицистическая деятельность С.Ю. Витте после отставки стала для него единственным средством политической борьбы³.

Американский историк Ф. Вчисло считает, что Витте осознавал растущую силу средств массовой информации и использовал редакционные инсинуации желтой прессы на протяжении всей своей сознательной жизни: как

¹ Кирьянов И.К. «Номо politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2004. – № 3. – С. 74.

² Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 9–10.

³ Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. – Санкт-Петербург: Петрополис, ЛЮДОВИК, 2008. – С. 486.

публикующийся эссеист, анонимный финансист, источник и распространитель информации и манипулятор общественным мнением⁴.

По мнению ряда исследователей (среди которых и современный специалист по С.Ю. Витте Э.О. Сагинадзе⁵), «Воспоминания» Витте по сей день являются одним из ценнейших и наиболее цитируемых эго-источников рубежа XIX–XX вв.

Несмотря на наличие обширного круга работ, посвящённых «Воспоминаниям», а также различным аспектам биографии и бюрократической карьеры Витте, мемуары сановника ранее не рассматривались в качестве основного источника по изучению репрезентации образов власти в исследовательской оптике «перформативного поворота». Мемуары Витте представляются актуальным источником для детального погружения в символическое пространство церемоний, ритуалов, образов и функционирования политической системы на рубеже XIX–XX вв. Данный источник не только позволяет выявить политические воззрения главного героя, но и предоставляет возможность определить ценностные и мировоззренческие дискурсы «эпохи трансформаций». Помимо мемуаров в качестве источниковой базы используются эго-документы, хранящиеся в личном фонде Витте в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Ф. 1622).

Проблематика репрезентации власти на сегодняшний день является предельно актуальной для исторической науки. Импульс для изучения сюжетов, связанных с образами власти, задало становление «перформативного поворота» как междисциплинарной исследовательской парадигмы. Благодаря «методологическим поворотам» в гуманитарных науках (одним из которых является «перформативный поворот») в фокусе внимания историка оказались не только «факты» или «процессы», но и другая реальность, связанная с соотношением пространства и социального действия, восприятием образов и культурными инсценировками, которая ранее не попадала в поле зрения эксперта. «Перформативный поворот» как концептуальное методологическое поле предполагает поиск возможностей практического измерения производства культурных смыслов и опыта.

«Перформативные исследования» (“Performance Studies”) – это междисциплинарная область знаний, среди объектов изучения которой

⁴ Wcislo F.W. Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849–1915. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 3.

⁵ Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. – С. 10.

выделяют поведение и взаимодействие, а не предметы или факты⁶. «Performance Studies» находятся в оппозиции к общепринятому академическому дискурсу: «исследования перформативности начинаются там, где большинство дисциплин, ограниченные своей областью, заканчиваются»⁷.

Суть перформативного поворота не в том, чтобы анализировать ритуалы и уделять им «повышенное внимание», а, напротив, инструментальный анализ ритуалов позволяет сначала выявить социальные процессы, а затем рассмотреть структуру их динамики⁸.

Перформативность можно определить как веру в то, что язык не только репрезентирует реальность, но и изменяет ее, и что определенные явления существуют только тогда, когда они перформативно повторяются и всегда должны повторяться для того, чтобы существовать⁹.

Первой работой, в которой использовался инструментальный «перформативного поворота», было исследование американского философа К. Бёрка «Грамматика мотивов» (1945 г.). Автор ввёл в научный оборот изучение действия по пяти показателям (в его терминологии – “Rhetorical Elements”): что, кто, как, где и зачем, – назвав это «драматургической пентадой» (“Dramatistic Pentad”). В результате получилась пентада, имеющая пять категорий: действие, сцена, агент, агентство и цель. Драматургическая пентада позволяет анализировать мотивацию в любой ситуации, а акцент персонажа на одном из элементов объясняется его мировоззрением¹⁰.

Британский антрополог В. Тёрнер в своём исследовании применил термин «социальная драма». Она представляет собой некий общественный конфликт и включает четыре фазы: дезорганизацию (нарушение порядка), кризис, восстановление, реинтеграцию. «Социальная драма» обнаруживается в том случае, если происходит трансформация каких-либо социальных норм, что влечёт за собой состояние политического кризиса. Для определения «социальной драмы» автор использовал категорию перформанса. Тёрнер определял перформанс как различные культурные постановки (к которым

⁶ Демехина Д.О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера // *Артикульт*. – 2017. – № 28 (4). – С. 144. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-4-144-152

⁷ Демехина Д.О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера. – С. 144.

⁸ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / перевод с немецкого С. Ташкенова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 29.

⁹ Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // *Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки: сборник статей / ответственный редактор М.А. Кукарцева*. – Москва: Канон+, 2011. – С. 227.

¹⁰ Burke K.A. *Grammar of Motives*. – New York: Prentice-Hall, 1945. – P. 15–16.

помимо церемоний и ритуалов, относятся карнавалы, театр и поэзия), характеризуя их как «объяснение и развитие самой жизни»¹¹.

Широко использовал драматургические метафоры американский антрополог К. Гирц. Он ввёл в научный оборот понятие «театральное государство» (“Theatre State”), которым описывал государство на Бали: «Это было театральное государство, в котором короли и принцы были антрепренерами, жрецы – режиссерами, а крестьяне – и исполнителями вторых ролей, и техническими работниками, и зрителями»¹².

Ключевыми исследовательскими категориями, необходимыми для анализа внутренних парадоксов и несоответствия на уровне функционирования российской политической системы рубежа XIX–XX вв., являются: «образ власти», «сценарий власти», «авторитетный дискурс», «политический миф», «перформативный сдвиг», «принцип вненаходимости».

Образ власти определяется как совокупность представлений о власти в обществе, в том числе и о природе и характере власти, её организации, роли и деятельности, а также предположения об осуществлении властью различных общественно-политических преобразований¹³. Образ власти также воплощает собой один из каналов трансляции национальной идеологии. Любая национальная идеология базируется на образе власти, т. к. это необходимо для нормального восприятия её жителями государства¹⁴. Имидж власти отражает представления о властителях в восприятии подданных, и над конструированием данного образа активно работают как властители, так и подданные¹⁵.

Для Российской империи была характерна предельная персонификация идеологии и политики, т. е. восприятие подданными государственной идеологии было в значительной мере обусловлено восприятием образа конкретного носителя верховной власти. Каждый российский император имел

¹¹ Turner V. *Dramas, fields, and metaphors: symbolic action in human society*. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1975. – P. 13–14.

¹² Geertz C. *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. – Princeton: Princeton University Press, 1980. – P. 13.

¹³ Романович Н.А. Образ власти как отражение российской политической культуры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 169–172.

¹⁴ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. – Санкт-Петербург: Алетей, 2007. – С. 5.

¹⁵ Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / ответственные редакторы: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – Санкт-Петербург: Алетей, 2010. – С. 12.

свое видение идеального монархического начала, которое и воплощал в своем собственном имидже¹⁶.

По мнению российского историка К.А. Соловьёва, в символах и образах последних двух императоров Российской империи воплощалась идея «русской старины» и утраченного «золотого века»¹⁷, а самодержавие представлялось фундаментом российской политической системы на протяжении нескольких веков¹⁸.

Мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью. Это приводило к тому, что часть подданных начинала сожалеть об утраченном идеале и мечтать о возрождении подлинного самодержавия, фактически замененного всевластием бюрократии¹⁹.

Р. Уортман, впервые применивший концепцию «перформативного поворота» для изучения имперских ритуалов в России, рассматривает российскую монархию как символическую систему. Для обозначения своей исследовательской гипотезы он применяет термин «сценарий власти», под которым понимается совокупность символов и ритуалов, используемых императорами для трансляции собственного базового мифа царствования²⁰.

Неотъемлемым условием российского монархического режима, по мнению Р. Уортмана, было позиционирование императора как обладателя верховной власти, действующего исключительно в интересах государства. Это представление сформировалось в период правления Петра I и сохранялось вплоть до падения монархии²¹.

Американский антрополог А. Юрчак применил концепцию «перформативного поворота» к анализу российского общества позднесоветского периода. Несмотря на то, что работа А. Юрчака посвящена позднесоветскому периоду, исследовательский подход, по утверждению самого

¹⁶ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. – С. 6.

¹⁷ Соловьёв К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 9.

¹⁸ Соловьёв К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – С. 12.

¹⁹ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. – Москва: РОССПЭН, 2018. – С. 36.

²⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / перевод с английского И.А. Пильщикова. – Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. – С. 15.

²¹ Wortman R. Visual texts, ceremonial texts, texts of exploration: Collected articles on the representation of Russian monarchy. – Boston: Academic Studies Press, 2014. – P. 17.

автора, может быть применим к анализу любого другого исторического периода, в частности – позднеимперского²².

А. Юрчак определяет «авторитетный дискурс» как обладающий особыми свойствами дискурс, организованный вокруг внешней догмы, которая не подвергается сомнению²³. «Авторитетный дискурс» был представлен репрезентацией образов монархии или «сценарием власти», в основе которого лежал политический миф – «базовый миф царствования». «Авторитетный дискурс» выглядел следующим образом: главенствующим институтом российской политической системы был чрезмерно персонифицированный институт монархии. Каждый новый монарх (чья фигура соотносилась с божественным происхождением) являлся творцом собственного политического мифа («базового мифа царствования»).

Политический миф («базовый миф царствования») отражал «мир абсолютных истин» и наделял фигуру императора «эпической персоной». Фигура царя представлялась в облики творца, созидателя, демиурга. Образ императора был представлен в качестве целостного нарратива, который должен был восприниматься зрителями исключительно с позиции полного принятия и восхищения. В целостном нарративе не оставалось места для дискуссий и колебаний (таковые если и возникали, то могли быть озвучены только за закрытыми дверями), императорские презентации были едиными и гармоничными²⁴.

«Перформативный сдвиг» проявлялся в эволюции «авторитетного дискурса»: сохранение данного дискурса происходило на уровне формы, при утрате содержания. Витте выступал в качестве «нормального субъекта» – «нормального бюрократа», участвовавшего в воспроизведении «авторитетного дискурса». Мемуары Витте являются «пространством вненаходимости» или «пространством свободы», находящимся за рамками официального дискурса: оно не дублирует официальный дискурс, но в то же время и не находится в оппозиции по отношению к нему²⁵. Взаимоотношения Витте с политической системой Российской империи в мемуарах строились по принципу «вненаходимости». Будучи частью этой системы, он перформативно

²² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 25.

²³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 54.

²⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – С. 21.

²⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 16.

воспроизводил «авторитетные символы» на уровне формы, при этом смысл этих символов изменялся. Нельзя свести отношение Витте к системе на уровень бинарных оппозиций поддержки / противостояния.

А. Юрчак определяет «систему» как конфигурацию отношений различного типа (это могут быть как «официальные» – политические отношения, так и «неофициальные» – социально-культурные, а также многие другие), а также институтов, идентичностей и смыслов, которые в совокупности составляли пространство жизни подданных. При этом система являлась динамичной и претерпевала постоянные внутренние сдвиги, в результате чего в самой системе возникали внутренние парадоксы и противоречия²⁶.

Внутреннюю парадоксальность данной системы Юрчак видит в том, что она сочетала в себе заведомо несочетаемые качества: «система» была одновременно могучей и хрупкой, полной надежд и безрадостной, вечной и готовой вот-вот обвалиться²⁷. Ощущение вечности и неизменности системы, с одновременной ее внутренней непредсказуемостью и неустойчивостью, Юрчак определяет как результат «перформативного сдвига» авторитетного дискурса²⁸. Симптом исторических изменений (скрытых изменений системы) – это совокупность отклонений от «нормы», которые на протяжении достаточно длительного временного промежутка остаются незаметными для окружающих. Сами по себе данные проявления указывают на трансформации внутри системы²⁹.

Апеллируя данными терминами, можно попытаться ответить на следующие исследовательские вопросы: как выглядела концепция трансформации самодержавия? Из каких элементов она состояла, и какое влияние оказали на неё новые политические институты?

Институциональные образы российской монархии в оптике мемуаров С.Ю. Витте

Прежде чем начать анализ институциональных образов российской монархии в мемуарах Витте, необходимо обозначить его отношение к монархии как к институту. Во введении к статье обозначался тезис о том, что

²⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 37.

²⁷ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 34.

²⁸ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 93.

²⁹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – С. 11.

отношение Витте к институту монархии строилось по принципу «вненаходимости», т. е. его нельзя свести к бинарным оппозициям поддержки / противостояния. Необходимо рассмотреть данный вопрос более подробно и доказать этот тезис.

Историографические трактовки отношения Витте к институту монархии несколько разнятся, однако большинство исследователей приходят к выводу о том, что он был приверженцем монархических убеждений. Например, П.Л. Карабущенко пишет о том, что Витте часто попадал под шквал критики из-за своей симпатии к монархическим идеям³⁰, а С.В. Ильин нарекал его «консерватором в лучшем значении этого слова»³¹. Работая в парадигме «перформативного поворота», Уортман отмечал, что институт монархии в начале XX в. создал вокруг себя арену борьбы, которая стала одним из факторов его краха³².

Д. Ливен отмечает, что, российское неограниченное самодержавие существовало как институт, который мог справедливо решать споры между соперничающими интересами и одновременно навязывать непопулярную, но необходимую модернизационную политику. Будучи министром финансов в подобной системе управления, С.Ю. Витте поддерживал самодержавие, поскольку оно позволяло ему проводить политику насаждения промышленности и капиталистическую индустриализацию³³.

Ильин отмечает, что Витте принадлежит идея мирной трансформации российского самодержавия в монархию европейского типа³⁴. Мирная трансформация в восприятии Витте – это путь постепенных преобразований, проводимых дворянством в земском и городском самоуправлении, ведущих к конституции «снизу», что эволюционным путём могло бы привести государство к принятию конституции «сверху»³⁵.

Витте принадлежат перформативные высказывания о самодержавии как наиболее эффективной форме правления при условии нахождения на престоле наследственного императора, обладающего сильной волей и благородными

³⁰ Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 87. – Ч. 2. – С. 17.

³¹ Ильин С.В. Витте. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – С. 459.

³² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – С. 19.

³³ Lieven D. Towards the flame. Empire, war and the end of tsarist Russia. – London: Penguin books, 2016. – P. 74.

³⁴ Ильин С.В. Витте. – С. 459.

³⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2017. – С. 706.

чертами характера³⁶. При этом он сразу оговаривался, что самодержавие не будет являться эффективной формой правления, если на престоле окажется правитель, не наделённый «благородным набором качеств». Такой император за небольшой промежуток времени может разрушить всё, что было сделано до него «истинными неограниченными самодержцами»³⁷. О такой политической ситуации Витте писал применительно к Российской империи 1907 г. В «Воспоминаниях» он аргументировал данную точку зрения тем, что Николай II своими «губительными действиями» «расшатал» Российскую империю настолько, «что другого выхода, как разумного ограничения ... самодержавия, нет»³⁸.

Точка зрения Витте на мирную трансформацию самодержавия в монархию европейского типа и ограничение верховной власти выглядела следующим образом:

В конце концов, я убежден в том, что Россия сделается конституционным государством *de facto* и в ней, как и в других цивилизованных государствах, неизбежно водворятся основы гражданской свободы. Раз над Россией прогудел голос 17 октября, его не потушить ни политическими хитростями, ни даже военной силою. Вопрос лишь в том, совершится ли это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови. Как искренний монархист, как верноподданный слуга Царствующего дома Романовых, как бывший преданный деятель Императора Николая II, к Нему в глубине души привязанный и Его жалеющий, я молю Бога, чтобы это совершилось бескровно и мирно³⁹.

Свое отношение к российской монархии Витте выразил и в таких словах:

Я родился монархистом и надеюсь умереть таковым, а раз не будет Николая II при всех Его плачевных недостатках, монархия в России может быть поколеблена в самой своей основе. Дай Бог мне этого не видеть...⁴⁰

В своих мемуарах Витте рассуждал и о сакральном характере царской власти. Он выразил мнение о том, что божественное происхождение царской власти связано с таинством наследования престола⁴¹. В поздравительном

³⁶ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 574.

³⁷ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 575.

³⁸ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 575.

³⁹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1008.

⁴⁰ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1018.

⁴¹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 758.

обращении к Николаю II в связи с рождением долгожданного наследника престола, он писал:

Да поможет ВАМ ВСЕВЫШНИЙ передать ВАШЕМУ сыну на счастье России, Российскую Державу в той её неприкосновенной сущности в коей ВЫ её получили, то есть Самодержавною⁴². (здесь и далее цитаты приведены в авторском оформлении. – К. Ш., И. В.)

Касаясь роли бюрократии в политическом режиме Российской империи, Витте отмечал, что без бюрократов неограниченное самодержавие немыслимо⁴³, однако, он не видел ключевую роль бюрократии в механизме принятия политических решений и писал, что она принадлежит императору. В то же время, политические решения, принимаемые императором Николаем II, Витте называл «не только несоответственными, но и губительными действиями», которые только «расшатали государство»⁴⁴.

Персонифицированные образы российских монархов в мемуарах С.Ю. Витте

Александр III

Анализируя персонифицированный образ царя Александра III, представленный в «Воспоминаниях», необходимо отметить, что в своих мемуарах автор был щедр на яркие эпитеты в адрес самодержца. Например, сравнивая умственные способности двух последних императоров Дома Романовых, Витте отмечал, что способности Николая II выше, чем Александра III⁴⁵, у которого они, по мнению мемуариста, были «ниже среднего»⁴⁶.

В «Воспоминаниях» присутствует ряд колоритных набросков, описывающих внешний вид императора. Витте сравнивал царя с «большим русским мужиком из центральных губерний» и отмечал, что к его внешности больше бы подошли «полушубок, поддёвка и лапти»⁴⁷. Но тут же оговаривался: несмотря на «обманчивую» внешность, императору были присущи «благодушие» и «громадный характер», которые не могли не импонировать⁴⁸.

⁴² Письмо Витте С.Ю. Николаю II, имп., поздравительное с рождением наследника // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1622. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 1.

⁴³ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 576.

⁴⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 575.

⁴⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 146.

⁴⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 146.

⁴⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 147.

⁴⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 147.

Описывая черты монарха, Витте, в первую очередь, подчеркивал скромность и простоту⁴⁹. По его мнению, эти качества касались не только государственного бюджета, но и собственного хозяйства⁵⁰, чиновник также нарекал монарха «идеальным государственным казначеем»⁵¹. Другие черты, которые определяли характер Александра III, – это строгость и набожность⁵², твёрдость и миролюбие⁵³. Характеризуя правление Александра III, Витте не раз повторял перформативное высказывание о том, что царь был «неограниченным благороднейшим монархом»⁵⁴.

Характеризуя геополитическую ситуацию на момент вступления императора Александра III на престол, Витте подчеркивал «стечение самых неблагоприятных политических конъюнктур»⁵⁵. Но, несмотря на это, за период нахождения у власти «царь глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови»⁵⁶. Образ «царя-миротворца», по мнению Витте, достигался не за счёт «уступок», а за счёт «справедливой и непоколебимой твёрдости» правителя⁵⁷.

Витте открыто критиковал земскую контрреформу и университетский устав 1884 г. – мероприятия, которые были осуществлены в начале царствования Александра III под влиянием графа Д.А. Толстого и других консерваторов⁵⁸. Вместе с тем, он находил оправдание осуществлению подобной реакционной политики в совокупности неблагоприятных факторов, с которыми столкнулся император в самом начале своего царствования. Среди них Витте выделял как неподготовленность Александра III к вступлению на царство, так и убийство Александра II и революционное движение⁵⁹; как о неблагоприятных стратегических факторах Витте писал также об итогах русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинском конгрессе⁶⁰.

О трансформации базового мифа царствования Александра III в либеральную сторону Витте говорил:

⁴⁹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 318.

⁵⁰ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 312.

⁵¹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 311.

⁵² *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 337.

⁵³ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 343.

⁵⁴ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 344.

⁵⁵ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 313.

⁵⁶ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 313.

⁵⁷ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 312.

⁵⁸ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 3–15.

⁵⁹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 308–309.

⁶⁰ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 310.

Я уверен в том, что Император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия, и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на всякие авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной. Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но Император Александр III не успел этого сделать, потому что Бог призвал его к себе⁶¹.

Николай II

Образ Николая II в оптике «Воспоминаний» гораздо противоречивее и парадоксальнее, нежели образ предшествующего императора. Витте указывал на тот факт, что Николай II крайне негативно воспринимал решительных, жёстких и бескомпромиссных людей (т. е. тех, кто представлял собою «определённую личность»⁶²). Его отец, напротив, не останавливал своего внимания на резких высказываниях и ценил в собеседниках «твёрдые убеждения»⁶³.

На страницах мемуаров можно проследить эволюцию отношений Витте и Николая II. Автор отмечал, что при вступлении на престол нового императора у них сложились доброжелательные и доверительные отношения⁶⁴. Витте принадлежат следующие перформативные высказывания о начале царствования императора Николая II: «от него светлыми лучами исходил дух благожелательности», «он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный», «я в своей жизни никогда не видел человека более воспитанного, нежели он»⁶⁵.

В течение некоторого времени произошло значительное ухудшение отношений между ними. Витте объяснял это слабыми сторонами своего характера: прямолинейностью и дерзостью, которые лишь оттолкнули императора⁶⁶. Своё пребывание на государственной службе и нахождение в статусе главы финансового ведомства более десяти лет Витте объяснял уважением Николая II к памяти императора Александра III. Описывая характер последнего российского самодержца, Витте отмечал в царе многочисленные сходства с его матерью, а также с другими предками (Александр I, Павел I).

⁶¹ Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 316–317.

⁶² Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 364.

⁶³ Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 364.

⁶⁴ Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 294.

⁶⁵ Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 361–362.

⁶⁶ Bumte C.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 294.

При этом, по мнению мемуариста, Николай II практически не унаследовал черты характера, свойственные его отцу⁶⁷.

В контексте репрезентации образа императора Николая II как «образцового семьянина» невозможно не обратиться к имиджу его супруги Александры Фёдоровны. На страницах мемуаров императрица предстает «хорошей женщиной», но при этом «женщиной ненормальной», забравшей «в свои руки» «безвольного» императора. Императрица не только не сбалансировала недостатки, присущие её мужу, но и в значительной мере обострила и усилила их. Именно под влиянием супруги совершались различного рода «шатания» и проявлялась склонность к сомнительным «авантюрам»⁶⁸.

Заслуживает отдельного интереса сюжет об отношениях императора Николая II с великими князьями, а также трансформации модели этих отношений на протяжении его царствования. Витте отмечал, что Александр III как император пользовался среди великих князей (своих братьев) «полным авторитетом» и они «ходили по струнке» перед ним. После вступления на престол нового царя ситуация в корне изменилась: император в силу своей молодости, мягкости характера и уважения к старшим родственникам находился под влиянием великих князей⁶⁹. И это обстоятельство, по мнению мемуариста, наряду со многими другими стало одной из причин «бедствий царствования Николая II»⁷⁰. По мнению Витте, сразу после вступления на престол Николай II пребывал под влиянием великих князей (в первую очередь, своих дядей Владимира Александровича, Алексея Александровича и Сергея Александровича⁷¹), что принесло лишь многочисленные «несчастья»⁷². Впрочем, по прошествии длительного времени отношения великих князей и императора претерпели существенную трансформацию. Витте отмечает, что император за пятнадцать лет своего царствования приобрёл бесценный опыт, которым не обладал никто из царской семьи⁷³.

Новые политические институты и их роль в трансформации самодержавия

В самый разгар Первой русской революции Витте стал первым «премьером» переходного правительства. Характеризуя своё

⁶⁷ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 354–355.

⁶⁸ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1014–1015.

⁶⁹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 361.

⁷⁰ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 361.

⁷¹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 360.

⁷² *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 360.

⁷³ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 360.

непродолжительное пребывание на «премьерском» посту, он подчеркивал, что его добровольная отставка была неизбежным решением и писал следующее:

Я был лишён возможности составить новое министерство, сочувствующее 17-му октября или по крайней мере понимающее его неизбежность. <...> В сущности, я должен был в это время один управлять Россией – Россией поднявшейся, революционизировавшейся, – не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом империи⁷⁴.

Во всеподданнейшем докладе от 12 февраля 1906 г. Витте писал о том, что «нарекания, обвинения и озлобления за действия Правительства» направлены, прежде всего, на него самого, а сам он «лишён возможности должным образом объединять действия Правительства». В случае непринятия ряда мер (одной из которых Витте виделась добровольная отставка) недалекое будущее представлялось ему следующим образом:

Между тем в скором времени предстоит открытие Думы, перед которой и преобразованным Государственным Советом, я буду поставлен в тяжкую необходимость давать объяснения за действия, к которым я не причастен, за непринятие мер, которые я привести в исполнение не имею возможности и по проектам, которые я не разделяю⁷⁵.

Свою отставку Витте характеризовал как заранее обдуманное, добровольное, взвешенное решение. Машинописная копия всеподданнейшего прошения Витте об увольнении с поста председателя Совета министров сохранилась в Российском государственном историческом архиве. Автор подробно изложил основания, по которым он больше не может находиться на посту, и просил освободить его от должности. Основания для увольнения Витте приводил самые разные, начиная от всеобщей травли и заканчивая разногласиями в Совете министров по важнейшим вопросам государственной жизни (крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и др.)⁷⁶. Ответное письмо Николая II также сохранилось в Российском государственном историческом архиве. В нем самодержец поблагодарил Витте за преданность и усердие,

⁷⁴ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 824.

⁷⁵ Всеподданнейший доклад Витте С.Ю. от 12 февраля 1906 г. с возражениями против предполагаемого назначения министром торговли и промышленности Рухлова С.В., а землеустройства и земледелия – Кривошеина А.В. // РГИА. – Ф. 1622. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 1.

⁷⁶ Всеподданнейшее прошение Витте С.Ю. об увольнении с поста председателя Совета министров // РГИА. – Ф. 1622. – Оп. 1. – Д. 944. – Л. 1–2.

которое тот проявлял по мере сил на трудном посту, что он занимал в течение шести месяцев при исключительно тяжелых обстоятельствах⁷⁷.

О своей добровольной отставке Витте писал с огромной обидой:

Я на этот раз сам потребовал отставки, так как убедился, что дело вести не могу и быть игрушкой в руках всей тайной и явной камарильи не желал⁷⁸
<...> я не счел возможным играть роль соломенного чучела на огороде и ушел⁷⁹.

Несмотря на раздирающие его противоречивые чувства, горечь, обиду и досаду, внешне решение Витте выглядело вполне благопристойно.

Через три, четыре месяца после 17 октября я внутренне решил уйти с поста премьера, как только я окончу главнейшие задачи, на меня упавшие, что должно было быть сделано к открытию Государственной думы, никак не позже мая месяца, я тем не менее все время с своей стороны делал все от меня зависящее, чтобы приготовить к открытию Государственной думы все необходимые законопроекты, истекающие из преобразования 17 октября и являющиеся последствием потрясения, которому Россия подверглась от войны с Японией и смуты⁸⁰.

Он писал о том, что после 17 октября оказался «козлом отпущения» и на него «свора псов чёрной масти была спущена при молчаливом соизволении императора»⁸¹.

Начало функционирования новых политических институтов (27 апреля 1906 г.) – Государственной Думы и реформированного Государственного Совета – Витте нарёк «историческим актом встречи монарха с представителями народа»⁸². В Российском Государственном историческом архиве сохранился проект тронной речи Николая II по случаю открытия Государственной Думы и реформированного Государственного Совета. В нем есть слова о том, что

⁷⁷ Всеподданнейшее прошение Витте С.Ю. об увольнении с поста председателя Совета министров // РГИА. – Ф. 1622. – Оп. 1. – Д. 944. – Л. 1.

⁷⁸ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 557.

⁷⁹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 559.

⁸⁰ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1018.

⁸¹ *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 555.

⁸² *Bumte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1035.

«первое собрание избранников народа будет иметь глубокое историческое значение в государственной жизни России»⁸³.

Касаясь вопросов внутренних парадоксов и несоответствий, имеющих место на уровне функционирования центрального аппарата, Витте писал, что Государственная Дума лишь изображала законодательную независимость, фактически подчиняясь Государственному Совету⁸⁴. В качестве примера он привёл действия Государственной Думы в момент решения крестьянского вопроса, наиболее острой проблемы рубежа XIX–XX вв. Витте указывал на то, что сразу после того, как в Государственной Думе был поставлен вопрос о принудительном отчуждении частновладельческих земель, она была распущена⁸⁵.

Партии в Российской империи стали легальными участниками политического процесса после Манифеста 17 октября. В «Воспоминаниях» Витте характеризовал их нелестным образом. Черносотенцам и левым революционерам автор мемуаров давал следующую характеристику:

Они [черносотенцы] ни по приёмам своим, ни по лозунгам (цель оправдывает средства) не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них [черносотенцы от левых революционеров] только тем, что революционеры слева – люди, сбившиеся с пути, но принципиально большею частью люди честные, истинные герои, за ложные идеи жертвующие всем и своею жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла. Они готовы совершать убийства так же, как и революционеры левые, но последние большею частью сами идут на этот своего рода спорт, а черносотенцы нанимают убийц; их армия – это хулиганы самого низкого разряда⁸⁶.

Что касается либеральных политических сил, то Витте не выражал своих симпатий и им. Кадетов он саркастически именовал «так называемыми кадетами», подразумевая, что представители данной партии далеки от конституционных и демократических воззрений⁸⁷.

⁸³ Проект тронной речи Николая II и Гос. совету и Гос. Думе // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 1.

⁸⁴ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1036.

⁸⁵ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 1036.

⁸⁶ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 803.

⁸⁷ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 212.

Если 17 октября вместо установления нормально действующей конституции до сих пор дало только революцию, то главная вина падает на кадетов и их вождей. В сущности они хотели не конституционную монархию, а республику с наследственным президентом, да и то до поры до времени, покуда существует «монархически предрассудок» в народе⁸⁸.

Заключение

Используя исследовательскую оптику «перформативного поворота» при анализе «Воспоминаний» Ю.С. Витте, авторы пришли к следующим выводам:

– «Авторитетный дискурс» (обладающий особыми свойствами дискурса, организованный вокруг внешней догмы, не подвергающейся сомнению) был представлен репрезентацией образов монархии: центральной фигурой данного чрезвычайно персонифицированного института являлся сильный, благородный самодержавный правитель. Витте отмечал, что во время царствования императора Александра III социально-экономическая и геополитическая обстановка оправдывала политику неограниченного самодержавия, а император Александр III обладал набором необходимых «благородных качеств», позволявших ему быть «неограниченным благороднейшим монархом».

После вступления на престол Николая II общественно-политическая обстановка менялась и старые методы уже не работали. Пока Витте находился во главе финансового ведомства, трансформация «авторитетного дискурса» была скрытой для посторонних глаз. В самый разгар революции 1905 г., когда он занимал должность «премьера переходного правительства», «перформативный поворот» «авторитетного дискурса» стал очевидным для многих, в том числе, и для него самого.

«Авторитетный дискурс» претерпел перформативный сдвиг тогда, когда на престоле оказался правитель, не наделённый «благородным набором качеств». Форма «авторитетного дискурса» осталась неизменной, однако его содержание подверглось существенным изменениям.

– Для того, чтобы восстановить соответствие между формой и содержанием «авторитетного дискурса», необходима была последовательная трансформация неограниченного самодержавия в монархию европейского типа, чтобы в конечном итоге мирным и бескровным путём прийти к конституции. Если этого не сделать, то парадоксальность дискурса, смыслов и практик российской монархии, по мнению С.Ю. Витте, должна была неизбежно усилиться.

– На страницах «Воспоминаний» политический портрет императора Александра III выглядит противоречиво: с одной стороны, Витте критиковал

⁸⁸ Bumme С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 624.

образование и умственные способности императора, а также его реакционную политику, проводимую в начале царствования, с другой – отмечал личные качества императора, позволявшие ему быть «благородным неограниченным монархом», а также высказывал мысль о трансформации общественно-политических взглядов этого российского самодержца.

Фигура императора Николая II на страницах мемуаров выглядит крайне спорной и парадоксальной. С одной стороны, император предстает в образе доброго, благожелательного, образованного и воспитанного правителя; с другой – безвольный царь, находящийся под влиянием жены и не терпящий вокруг себя сильных и авторитетных личностей.

Одна из ключевых идей «Воспоминаний» заключается в том, что император Александр III был способен проводить политику, направленную на поддержание и сохранение Самодержавия⁸⁹, а Николай II, напротив, не мог «поддержать Самодержавие», допуская то ретроградство, то чрезмерный и неуместный либерализм⁹⁰.

– Отставка С.Ю. Витте с должности министра финансов стала одним из катализаторов «перформативного поворота» «авторитетного дискурса». После отставки он был отстранён от участия в дальневосточной политике, а вскоре была начата русско-японская война, противником которой был Витте. Не случайно именно он был ключевым актором в подписании Портсмутского мирного договора, который завершил провальную дальневосточную авантюру. Витте неоднократно подчёркивал, что русско-японская война стала катализатором революции 1905 г.

– В период «премьерства Витте» «перформативный сдвиг» «авторитетного дискурса» стал очевидным. Российская монархия по форме продолжала оставаться прежней, но её содержание претерпело существенные изменения. К новым институтам власть применяла прежние механизмы управления, которые в новых условиях не работали, что приводило к катастрофическим последствиям. Тем самым при сохранении формы происходило вытеснение, выхолащивание содержания.

Новый институт – Государственная Дума, на практике сдерживался старым институтом – Государственным Советом. В отношении нового института высшее руководство использовало старые механизмы управления: наиболее ярко это проявилось в момент обсуждения крестьянского вопроса. Легализация политических партий в России, по мнению С.Ю. Витте, отнюдь не свидетельствовала о демократических изменениях. Черносотенцы в «Воспоминаниях» считаются большим злом, чем леворадикальные партии, а

⁸⁹ Bumme С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 179.

⁹⁰ Bumme С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – С. 176.

либералы представлены как политики, которые «мечтают вырвать власть из рук государя». Что касается восстановления «соответствия между содержанием и формой», то автор мемуаров высказывал мнение о том, что российскому самодержавию жизненно необходимо трансформироваться в монархию европейского типа.

– Описанные в «Воспоминаниях» принципы функционирования парадоксальной системы предопределили крах монархии. Россия на рубеже XIX–XX вв. предстаёт в мемуарах как система мощная и хрупкая одновременно, состоящая из дополняющих и определяющих друг друга противоречий. Монархия не адаптировалась к новым реалиям жизни и в новых условиях применяла прежние механизмы управления, которые не работали, что в итоге привело к катастрофическим последствиям.

Introduction

The turn of the 19th–20th centuries is a special period not only in Russian but also in world history. This historical epoch can be characterized as a time of global transformations that affected all spheres of social life. Of course, fundamental changes could not bypass the area of politics and governance. A consequence of modernization processes at the turn of the 19th–20th centuries was the emergence of new channels of communication. As a result, the sphere of politics became a public sphere, which contributed to the emergence of the phenomenon of public politics.

One of the first statesmen of the Russian Empire to demonstrate elements of public political behavior was Sergei Witte.¹ He had an incredibly up-to-date view on understanding the phenomenon of publicity of a politician: his reputation in public opinion worried him no less than his achievements in his bureaucratic career.²

Witte's case as a public politician at the turn of the 19th–20th centuries is unique. Throughout the entire period of his government service, Witte was one of the most influential bureaucrats in the Russian Empire. Even after his resignation from the post of the chairman of the Council of Ministers (resignations from top government positions were considered as a “political death”), Witte stayed in the space of public

¹ I.K. Kir'yanov, “‘Homo Politicus’ and a public politician in Russia in the early 20th century” [in Russian], *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 3 (2004): 74.

² E.O. Saginadze, *The reformer after the reforms: Sergei Witte and the Russian society. 1906–1915* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 9–10.

politics due to communication with journalists and writing memoirs. After resignation, publicist activity became the only means of political struggle for Witte.³

The American historian F. Wcislo believes that Witte was aware of the growing power of the media and used the editorial insinuations of the yellow press as long for all his adult life as an essayist, anonymous financier, source and disseminator of information, and public opinion manipulator.⁴

According to a number of researchers (including E. Saginadze,⁵ a contemporary specialist on S. Witte), Witte's *Memoirs* are still one of the most valuable and most cited ego-sources referring to the turn of the 19th–20th centuries.

Despite the existence of an extensive range of works devoted to the *Memoirs* and various aspects of Witte's biography and bureaucratic career, the memoirs have not been previously considered as the main source for studying the representation of images of power in the research optics of the performative turn. Witte's memoirs are a relevant source for a detailed immersion in the symbolic space of ceremonies, rituals, images, and the functioning of the political system at the turn of the 19th–20th centuries. Not only does this source make it possible to reveal the political views of the hero, but it also provides an opportunity to determine the value and ideological discourses of the “era of transformations.” In addition to the memoirs, ego-documents stored in Witte's personal fonds in the Russian State Historical Archive (RGIA, F. 1622) are used as a source for the research.

At present, the problem of power representation is extremely relevant for the historical science. The impetus for the study of storylines related to the images of power was given by the establishment of the performative turn as an interdisciplinary research paradigm. Thanks to the methodological turns in the humanities (performative turn is one of them), the historian's attention has been focused not only on facts or processes but also on another reality associated with the relationship between space and social action, perception of images and cultural dramatizations that have not previously come into the expert's field of vision. The performative turn as a conceptual methodological field presupposes the search for opportunities for practical measurement of the production of cultural meanings and experience.

Performance Studies are an interdisciplinary field of study that focuses on behavior and interaction rather than objects or facts.⁶ Performance Studies are in

³ S.D. Martynov, *Statesman Witte* [in Russian] (St Petersburg: Petropolis, LYudOVIK, 2008), 486.

⁴ F.W. Wcislo, *Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849–1915* (Oxford: Oxford University Press, 2011), 3.

⁵ Saginadze, *The reformer after the reforms*, 10.

⁶ D.O. Demekhina, “Revisiting conceptualization of performance: version by Richard Schechner” [in Russian], *Artikul't*, no. 28 (4) (2017): 144. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-4-144-152>

opposition to mainstream academic discourse: “Performance Studies begin where most disciplines which are limited to their field end.”⁷

The essence of the performative turn is not to analyze rituals and give them increased attention. On the contrary, the tools for analyzing rituals allow us to identify social processes first and then consider the structure of their dynamics.⁸

Performativity can be defined as the belief that language not only represents reality but changes it and that certain phenomena exist only when they are performatively repeated and must always be repeated in order to exist.⁹

The first work to employ the tools of the performative turn was the study of American philosopher K. Burke *A Grammar of Motives* (1945). The author introduced into the scientific circulation the study of action by five indicators (in his terminology, Rhetorical Elements) – what, who, how, where and why – which he termed the Dramatistic Pentad. The result is a pentad with five categories: act, scene, agent, agency, and purpose. The Dramatistic Pentad makes it possible to analyze motivation in any situation, and the character's emphasis on one of the elements is explained by his worldview.¹⁰

British anthropologist V. Turner used the term “social drama” in his research. It represents a kind of social conflict and includes four phases: breach (violation of order), crisis, redress, and reintegration. Social drama is revealed if there is a transformation of any social norms, which entails a state of political crisis. In order to define social drama, the author used the category of performance. Turner defined performance as a variety of cultural staging (apart from ceremonies and rituals, which include carnivals, theatre, and poetry), describing them as explaining and developing life itself.¹¹

Dramatic metaphors were widely used by the American anthropologist C. Geertz. He introduced into scientific circulation the concept of the theatre state, which he used to describe the state in Bali: “It was a theatre state in which the kings and princes were the impresarios, the priests the directors, and the peasants the supporting cast, stage crew, and audience.”¹²

⁷ Demekhina, “Revisiting conceptualization of performance,” 144.

⁸ D. Bakhmann-Medik, *Cultural turns. Neuorientierungen in den kulturwissenschaften* [in Russian], trans. S. Tashkenov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 29.

⁹ E. Domanska, “Performative turn in modern humanitarian knowledge” [in Russian], in *Ways to comprehend the past. Methodology and theory of historical science: collected articles*, ed. M.A. Kukartseva (Moscow: Kanon+, 2011), 227.

¹⁰ K. Burke, *A Grammar of Motives* (New York: Prentice-Hall, 1945), 15–16.

¹¹ V. Turner, *Dramas, fields, and metaphors: symbolic action in human society* (Ithaca; London: Cornell University Press, 1975), 13–14.

¹² C. Geertz, *Negara: The theatre state in nineteenth-century Bali* (Princeton: Princeton University Press, 1980), 13.

The key research categories required to analyze internal paradoxes and inconsistencies at the level of functioning of the Russian political system at the turn of the 19th–20th centuries are the image of power, scenario of power, authoritative discourse, political myth, performative shift, and the principle of outsideness.

The image of power is defined as a set of ideas about power in society, including the nature and character of power, its organization, role and activity, as well as assumptions about the implementation of various social and political transformations by the power.¹³ The image of power also embodies one of the channels for broadcasting the national ideology. Any national ideology is based on the image of power, since it is necessary for its normal perception by the residents of the state.¹⁴ The image of power reflects ideas about the rulers in the perception of their subject, and both the rulers and the subjects are actively working on the construction of this image.¹⁵

The Russian Empire was characterized by the utmost personification of ideology and politics, i. e., the perception of the state ideology by the subjects was largely preconditioned by the perception of the image of a particular supreme power bearer. Each Russian emperor had his own vision of the ideal monarchical basis, which he embodied in his own image.¹⁶

According to the Russian historian K. Solov'ev, the symbols and images of the last two emperors of the Russian Empire embodied the idea of “the Russian antiquity” and the lost “golden age,”¹⁷ and autocracy appeared to be the foundation of the Russian political system for several centuries.¹⁸

The mythological image of autocratic power lived its own life and clearly diverged from political and administrative reality. This led to the fact that some of the subjects began to regret the lost ideal and dream of the revival of true autocracy, which was in fact replaced by the omnipotence of the bureaucracy.¹⁹

¹³ N.A. Romanovich, “The image of power as a reflection of Russian political culture” [in Russian], *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 1 (2010): 169–72.

¹⁴ S.I. Grigor'ev, *Court censorship and the image of the supreme power* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2007), 5.

¹⁵ M.A. Boitsov, “What is potestatar imagology?” [in Russian], in *Power and image. Essays on potestatar imagology*, ed. M.A. Boitsov and F.B. Uspenskii (St Petersburg: Aleteiya, 2010), 12.

¹⁶ Grigor'ev, *Court censorship and the image of the supreme power*, 6.

¹⁷ K.A. Solov'ev, *The owner of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the Modern Era* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 9.

¹⁸ Solov'ev, *The owner of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the Modern Era*, 12.

¹⁹ K.A. Solov'ev, *The political system of the Russian Empire in 1881–1905: The problem of lawmaking* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2018), 36.

R. Wortman was the first to apply the concept of performative turn to the study of imperial ceremony in Russia. He considers the Russian monarchy as a symbolic system. In order to denote his research hypothesis, he uses the term “scenario of power,” which is understood as a set of symbols and ceremonies used by the emperors to broadcast their own basic myth of reign.²⁰

According to R. Wortman, an indispensable condition of the Russian monarchical regime was the positioning of the emperor as the owner of supreme power, acting exclusively in the interests of the state. This idea was formed during the reign of Peter I and persisted until the fall of the monarchy.²¹

American anthropologist A. Yurchak applied the concept of performative turn to the analysis of the Russian society in the late Soviet period. Despite the fact that the work of A. Yurchak is devoted to the late Soviet period, the research approach, according to the author, can be applied to the analysis of any other historical period, in particular, the late imperial period.²²

A. Yurchak defines authoritative discourse as a discourse with special properties, organized around an external dogma that is not questioned.²³ Authoritative discourse was represented by the images of the monarchy or the scenario of power which was based on the political myth – the basic myth of the reign. Authoritative discourse looked like this: the dominant institution of the Russian political system was the overly personalized institution of monarchy. Each new monarch (whose figure was associated with divine origin) was the creator of his own political myth (the basic myth of the reign).

The political myth (the basic myth of the reign) reflected the world of absolute truths and endowed the figure of the emperor with an epic persona. The figure of the tsar was presented in the appearance of a creator, doer, and demiurge. The image of the emperor was presented as a holistic narrative, which was to be perceived by the audience solely from the position of complete acceptance and admiration. In a holistic narrative, there was no room for discussion and hesitation (if any, they could be voiced only behind closed doors), the imperial presentations were unified and harmonious.²⁴

²⁰ R. Wortman, *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy* [in Russian], vol. 2, *From Alexander II to the Abdication of Nicholas II*, trans. I.A. Pil'shchikov (Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2004), 15.

²¹ Wortman, *Visual texts, ceremonial texts, texts of exploration: Collected articles on the representation of Russian monarchy* (Boston: Academic Studies Press, 2014), 17.

²² A. Yurchak, *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014), 25.

²³ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 54.

²⁴ Wortman, *Scenarios of power*, vol. 2, 21.

The performative shift manifested itself in the evolution of authoritative discourse: this discourse was preserved at the level of form, with the loss of content. Witte acted as a “normal subject,” a “normal bureaucrat” who participated in the reproduction of the authoritative discourse. Witte's memoirs are a “space of outsideness” or a “space of freedom” outside the official discourse: it neither duplicates the official discourse, nor it is opposed to it.²⁵ In his memoirs, Witte's relationship with the political system of the Russian Empire was based on the principle of outsideness. As a part of this system, he performatively reproduced authority symbols at the level of form, while the meaning of these symbols changed. It is impossible to reduce Witte's attitude to the system to the level of binary oppositions of support/opposition.

A. Yurchak defines the system as a configuration of relations of various types (it can be both official – political – relations, and unofficial – socio-cultural relations and the relations of many other kinds) as well as institutions, identities and meanings that together constituted the life space of the subjects. At the same time, the system was dynamic and underwent constant internal shifts, as a result of which internal paradoxes and contradictions arose in the system itself.²⁶

Yurchak sees the internal paradox of this system in the fact that it combined in itself obviously incompatible qualities: the system was powerful and at the same time fragile, full of hope and joyless, eternal and ready to collapse.²⁷ The feeling of eternity and immutability of the system with its simultaneous inner unpredictability and instability is defined by Yurchak as the result of a performative shift of authoritative discourse.²⁸ A set of deviations from the norm that remain invisible to others for a sufficiently long time period is a symptom of historical changes (latent changes in the system). These manifestations as they are indicate transformations within the system.²⁹

Appealing with these terms, we can try to answer the following research questions: what did the concept of the transformation of autocracy look like? What elements did it consist of and what influence did the new political institutions have on it?

Institutional images of the Russian monarchy in the optics of S. Witte's memoirs

Before beginning the analysis of the institutional images of the Russian monarchy in Witte's memoirs, it is necessary to outline his attitude towards monarchy as an

²⁵ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 16.

²⁶ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 37.

²⁷ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 34.

²⁸ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 93.

²⁹ Yurchak, *Everything was forever, until it was no more*, 11.

institution. The introduction to the article contains the thesis that Witte's attitude to the institution of monarchy was based on the principle of outsideness, that is, it cannot be reduced to the binary oppositions of support/opposition. It is necessary to consider this issue in more detail and to prove this thesis.

Historiographical interpretations of Witte's attitude to the institution of monarchy vary, but most researchers conclude that he was an adherent of monarchist beliefs. For example, P. Karabushchenko wrote that Witte often fell under a storm of criticism because of his sympathy for monarchist ideas,³⁰ and S. Il'in called him "a conservative in the best meaning of the word."³¹ Working in the paradigm of the performative turn, Wortman noted that the institution of monarchy created an arena of struggle around itself at the beginning of the 20th century, which became one of the factors of its collapse.³²

D. Lieven noted that the Russian unlimited autocracy existed as an institution that could fairly resolve disputes between competing interests and at the same time impose an unpopular but necessary modernization policy. Being Minister of Finance in such a management system, Sergei Witte supported autocracy because it allowed him to pursue an industrialization policy and capitalist industrialization.³³

Il'in noted that Witte was the author of the idea of peaceful transformation of Russian autocracy into a monarchy of the European type.³⁴ Peaceful transformation in Witte's view is the path of gradual transformations carried out by the nobility in the zemstvo and city government, leading to a constitution "from below," which could lead the state to adopt a constitution "from above" following an evolutionary way.³⁵

Witte is the author of performative statements about autocracy as the most effective form of government, provided that a hereditary emperor with a strong will and noble character was on the throne.³⁶ At the same time, he immediately stipulated that autocracy would not be an effective form of government if a ruler who was not endowed with a "noble set of qualities" was on the throne. In a short period of time, such an emperor could destroy everything that had been done before him by "true

³⁰ P.L. Karabushchenko, "The imperial elite of Russia in the memoirs of Count S. Witte [in Russian], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, no. 87, pt. 2 (2015): 17.

³¹ S.V. Il'in, *Witte* [in Russian] (Moscow: Molodaya gvardiya, 2012), 459.

³² Wortman, *Scenarios of power*, vol. 2, 19.

³³ D. Lieven, *Towards the flame. Empire, war and the end of tsarist Russia* (London: Penguin books, 2016), 74.

³⁴ Il'in, *Witte*, 459.

³⁵ S.Yu. Witte, *Memoirs. Complete edition in one volume* [in Russian] (Moscow: AL'FA-KNIGA, 2017), 706.

³⁶ Witte, *Memoirs*, 574.

unlimited autocrats.”³⁷ Witte wrote about such a political situation in relation to the Russian Empire of 1907. In his *Memoirs* he argued this point of view by the fact that Nicholas II “shattered” the Russian Empire with his “destructive actions” so much that “there was no other way out than a reasonable restriction. . . of autocracy.”³⁸

Witte's point of view on the peaceful transformation of autocracy into a monarchy of the European type and the limitation of supreme power was as follows:

After all, I am convinced that Russia will become a constitutional state de facto and that the foundations of civil freedom will be as firmly established in it as in other civilized states. Once a voice boomed over Russia on the 17th of October, it cannot be extinguished either by political tricks or even by military force. The question is whether it will be done calmly and intelligently or will flow out of the blood streams. As a sincere monarchist, as a loyal servant of the Reigning House of Romanov, as a former devoted activist of Emperor Nicholas II, deeply attached to Him and pitying Him, I pray to God that this is done bloodlessly and peacefully.³⁹

Witte also wrote:

I was born a monarchist and I hope to die one, and since there will be no Nicholas II with all His pitiable shortcomings, the monarchy in Russia can be shaken at its very foundation. God willing, I won't see this. . . .⁴⁰

In his memoirs, Witte wrote about the sacred nature of the tsar power. He expressed the opinion that the divine origin of the tsar power is associated with the sacrament of the succession to the throne.⁴¹ In his congratulatory address to Nicholas II in connection with the birth of the long-awaited heir to the throne, he wrote:

May the ALMIGHTY help YOU to hand the Russian State over to YOUR son for the happiness of Russia, in that inviolable essence, in which YOU received it, that is, Autocratic.⁴² [Hereinafter, the author's capitalization in quotations. – K. Sh., I. V.]

³⁷ Witte, *Memoirs*, 575.

³⁸ Witte, *Memoirs*, 575.

³⁹ Witte, *Memoirs*, 1008.

⁴⁰ Witte, *Memoirs*, 1018.

⁴¹ Witte, *Memoirs*, 758.

⁴² “Pis'mo Vitte S.Yu. Nikolayu II, imp., pozdravitel'noe s rozhdeniem naslednika” [Letter from Sergei Witte to Nicholas II, Emperor, congratulations on the birth of the heir]. F. 1622, op. 1, d. 38, l. 1. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

Concerning the role of bureaucracy in the political regime of the Russian Empire, Witte noted that unlimited autocracy was unthinkable without bureaucrats;⁴³ however, he did not see the key role of bureaucracy in the mechanism of political decision-making and wrote that it belonged to the emperor. At the same time, Witte called the political decisions made by Emperor Nicholas II “not only inappropriate but also destructive actions” that only “shattered the state.”⁴⁴

Personalized images of Russian monarchs in the memoirs of Sergei Witte Alexander III

Analyzing the personalized image of Tsar Alexander III presented in the *Memoirs*, it should be noted that in his memoirs, the author was generous with vivid epithets to the autocrat. For example, comparing the mental abilities of the last two emperors of the House of Romanov, Witte noted that the abilities of Nicholas II were higher than those of Alexander III,⁴⁵ whose, according to the memoirist, were “below the average.”⁴⁶

In the *Memoirs* there are a number of colorful sketches describing the appearance of the emperor. Witte compared the tsar with “a big Russian peasant from the central provinces” and noted that “a sheepskin coat, undercoat and bast shoes”⁴⁷ would be more suitable for his appearance. But he immediately made a reservation that despite the “deceptive” appearance, “good nature” and “huge character” were inherent in the emperor, which could not but impress.⁴⁸

Describing the features of the monarch, first of all Witte emphasized modesty and simplicity.⁴⁹ In his opinion, modesty and simplicity concerned not only the state budget but also his own household;⁵⁰ the official also called the monarch “the ideal state treasurer.”⁵¹ Other traits that determined the character of Alexander III were severity and piety,⁵² firmness and peacefulness.⁵³ When characterizing the reign of Alexander III, Witte often repeated the performative statement that the tsar was “an unlimited noble monarch.”⁵⁴

⁴³ Witte, *Memoirs*, 576.

⁴⁴ Witte, *Memoirs*, 575.

⁴⁵ Witte, *Memoirs*, 146.

⁴⁶ Witte, *Memoirs*, 146.

⁴⁷ Witte, *Memoirs*, 147.

⁴⁸ Witte, *Memoirs*, 147.

⁴⁹ Witte, *Memoirs*, 318.

⁵⁰ Witte, *Memoirs*, 312.

⁵¹ Witte, *Memoirs*, 311.

⁵² Witte, *Memoirs*, 337.

⁵³ Witte, *Memoirs*, 343.

⁵⁴ Witte, *Memoirs*, 344.

Describing the geopolitical situation at the time of the accession of Emperor Alexander III to the throne, Witte emphasized “a confluence of the most unfavorable political conjunctures.”⁵⁵ But despite this, during the period in power “the tsar has deeply raised the international prestige of Russia without shedding a drop of Russian blood.”⁵⁶ The image of the “peacemaker tsar,” according to Witte, was achieved by means of “just and unshakable firmness” of the ruler rather than by “concessions.”⁵⁷

Witte openly criticized the zemstvo counter-reform and the university charter of 1884 – measures that were taken at the beginning of the reign of Alexander III under the influence of Count D. Tolstoy and other conservatives.⁵⁸ At the same time, he justified the implementation of such a reactionary policy by unfavorable factors that the emperor had to face at the very beginning of his reign. Among them, Witte singled out the unpreparedness of Alexander III for accession to the throne as well as the assassination of Alexander II and the revolutionary movement;⁵⁹ among other unfavorable strategic factors, Witte mentioned the results of the Russo-Turkish war of 1877–78 and the Congress of Berlin.⁶⁰

Witte wrote about the transformation of the basic myth of the reign of Alexander III into the liberal side:

I am sure that Emperor Alexander III, by his own conviction, would have moved Russia onto the path of quiet liberalism; due to this quiet liberalism, with the external quiet in which Russia lived and in which it would have continued to live during the reign of Alexander III, for Alexander III would never have risked any adventures similar to the one that was undertaken and ended in the Japanese war. Russia would have moved gradually towards the liberal path, i.e. to that path of the state's life when it does not live an egoistic life, but a life for the benefit of the people. But Emperor Alexander III did not have time to do this, because God summoned him.⁶¹

Nicholas II

In the optics of the *Memoirs*, the image of Nicholas II is much more contradictory and paradoxical than the image of the previous emperor. Witte pointed out the fact that Nicholas II perceived decisive, tough, and uncompromising people (that is, those who represented a “definite personality”⁶²) extremely negatively. His father, on the

⁵⁵ Witte, *Memoirs*, 313.

⁵⁶ Witte, *Memoirs*, 313.

⁵⁷ Witte, *Memoirs*, 312.

⁵⁸ Witte, *Memoirs*, 3–15.

⁵⁹ Witte, *Memoirs*, 308–9.

⁶⁰ Witte, *Memoirs*, 310.

⁶¹ Witte, *Memoirs*, 316–17.

⁶² Witte, *Memoirs*, 364.

contrary, did not pay attention to harsh statements and valued “strong convictions”⁶³ of his interlocutors.

In the pages of the memoirs, it is possible to trace the evolution of the relationship between Witte and Nicholas II. The author noted that with the accession of the new emperor to the throne, they developed a friendly and trusting relationship.⁶⁴ Witte wrote the following performative statements about the beginning of the reign of Emperor Nicholas II: “he emanated bright rays of the spirit of benevolence,” “he is a very kind person, and extremely well-mannered man,” “I have never seen a person more well-mannered than he was.”⁶⁵

After some time, there was a significant deterioration in relations between them. Witte explained this by the weaknesses of his character: straightforwardness and impertinence, which repelled the emperor.⁶⁶ Witte explained his stay in the civil service and being in the status of the head of the financial department for more than ten years by Nicholas II's respect to the memory of Emperor Alexander III. Describing the character of the last Russian autocrat, Witte noted numerous similarities in the tsar and his mother, as well as with other ancestors (Alexander I, Paul I). At the same time, according to the memoirist, Nicholas II practically did not inherit the traits of his father's character.⁶⁷

In the context of representation of the image of Emperor Nicholas II as an “exemplary family man,” it is impossible not to refer to the image of his wife Alexandra Fedorovna. In the pages of the memoirs, the empress appears as a “good woman” but at the same time as an “abnormal woman” who took the “weak-willed” emperor into her hands. Not only did the empress fail to balance the weaknesses inherent in her husband, but she also greatly exacerbated and intensified them. It was under the influence of the wife that he made various kinds of “vacillation” and manifested a tendency toward dubious “adventures.”⁶⁸

What merits special attention is the storyline of the relationship of Emperor Nicholas II with the grand dukes and the transformation of the model of this relationship during his reign. Witte noted that as emperor, Alexander III enjoyed “full authority” among the grand dukes (his brothers) and they “danced to his tune.” After the new tsar's accession to the throne, the situation changed radically: due to his youth, gentle character, and respect for older relatives, the emperor was under the influence of the grand dukes.⁶⁹ And this circumstance along with many others,

⁶³ Witte, *Memoirs*, 364.

⁶⁴ Witte, *Memoirs*, 294.

⁶⁵ Witte, *Memoirs*, 361–62.

⁶⁶ Witte, *Memoirs*, 294.

⁶⁷ Witte, *Memoirs*, 354–55.

⁶⁸ Witte, *Memoirs*, 1014–15.

⁶⁹ Witte, *Memoirs*, 361.

according to the memoirist, became one of the reasons for the “disasters of the reign of Nicholas II.”⁷⁰ According to Witte, immediately after accession to the throne, Nicholas II was under the influence of the grand dukes (first of all, his uncles Vladimir Alexandrovich, Alexei Alexandrovich and Sergei Alexandrovich),⁷¹ which brought only numerous “misfortunes.”⁷² However, over a long period of time, the relationship between the grand dukes and the emperor underwent a significant transformation. Witte notes that during the fifteen years of his reign, the emperor gained invaluable experience that none of the royal family possessed.⁷³

New political institutions and their role in the transformation of autocracy

In the height of the First Russian Revolution, Witte became the first prime minister of the transitional government. Describing his short tenure in the prime minister post, he emphasized that his voluntary resignation was an inevitable decision and wrote the following:

I was deprived of the opportunity to form a new ministry that would sympathize with the 17th of October or at least understand its inevitability. . . . In fact, at that time I had to rule Russia – Russia which had risen and revolutionized – alone, without having any instruments of controlling the complex mechanism of the empire in my hands.⁷⁴

In his most humble report to the Emperor of February 12, 1906, Witte wrote that “criticism, accusations, and indignation with the actions of the Government” were directed primarily at him, and he himself was “deprived of the opportunity to properly unite the actions of the Government.” Unless number of measures were taken (one of which Witte believed to be his voluntary resignation), he saw the near future as follows:

Meanwhile, soon the opening of the Duma is due, in front of which, and the transformed State Council, I will be put in a difficult need to give explanations for actions in which I am not involved, for failure to take measures which I have no opportunity to take, and for projects that I do not share.⁷⁵

⁷⁰ Witte, *Memoirs*, 361.

⁷¹ Witte, *Memoirs*, 360.

⁷² Witte, *Memoirs*, 360.

⁷³ Witte, *Memoirs*, 360.

⁷⁴ Witte, *Memoirs*, 824.

⁷⁵ “Vsepoddanneishii doklad Vitte S.Yu. ot 12 fevralya 1906 g. s vozrazheniyami protiv predpolagaemogo naznacheniya ministrom trgovli i promyshlennosti Rukhlova S.V., a zemleustroistva i zemledeliya – Krivosheina A.V.” [Most humble report of Sergei Witte dated February 12, 1906, with objections to the proposed appointment of S.V. Rukhlov as Minister of

Witte described his resignation as a deliberate, voluntary and balanced decision. A typewritten copy of Witte's most humble petition for dismissal from the post of Chairman of the Council of Ministers has been preserved in the Russian State Historical Archive. The author detailed the reasons why he could no longer be in office and requested to be relieved of his post. Witte cited the most varied grounds for his dismissal ranging from general persecution and ending with disagreements in the Council of Ministers on the most important issues of state life (peasant, Jewish, religious, etc.).⁷⁶ Nicholas II's reply letter has also been preserved in the Russian State Historical Archive. In it, the autocrat thanked Witte for the loyalty and diligence that he showed to the best of his ability in the difficult post which he held for six months under extremely difficult circumstances.⁷⁷

Witte wrote about his voluntary resignation with great resentment:

This time I demanded resignation myself, as I was convinced that I could not deal with the matter and did not want to be a toy in the hands of the entire secret and obvious camarilla⁷⁸ <...> I did not consider it possible to play the role of a straw man in the vegetable garden and left.⁷⁹

Despite the conflicting feelings that were tearing him apart, bitterness, resentment and annoyance, outwardly Witte's decision looked quite decent.

In three, four months after the 17th of October, I internally decided to leave the post of prime minister, as soon as I finish the most important tasks that had befallen me, which should have been done before the State Duma opening, no later than May; nevertheless, all the time I did everything in my power to prepare for the opening of the State Duma all the necessary draft bills stemming from the transformation of the 17th of October and being a consequence of the shock Russia suffered from the war with Japan and turmoil.⁸⁰

He wrote that after the 17th of October he turned out to be a "scapegoat" and "a pack of black dogs was set loose on him with the tacit permission of the emperor."⁸¹

Trade and Industry and A.V. Krivoshein as Minister of Land Management and Agriculture]. RGIA. F. 1622, op. 1, d. 107, l. 1.

⁷⁶ "Vsepoddanneishee proshenie Vitte S.Yu. ob uvol'nenii s posta predsdatelya Soveta ministrov" [Most humble petition of Sergei Witte for his dismissal from the post of Chairman of the Council of Ministers]. RGIA. F. 1622, op. 1, d. 944, ll. 1–2.

⁷⁷ Ibid., l. 1.

⁷⁸ Witte, *Memoirs*, 557.

⁷⁹ Witte, *Memoirs*, 559.

⁸⁰ Witte, *Memoirs*, 1018.

⁸¹ Witte, *Memoirs*, 555.

The beginning of the functioning of new political institutions (April 27, 1906) – the State Duma and the reformed State Council – was referred to by Witte as “the historic act of the encounter of the monarch with representatives of the people.”⁸² In the Russian State Historical Archive there is an extant draft speech from the throne of Nicholas II on the occasion of the opening of the State Duma and the reformed State Council. It contains the words saying that “the first meeting of the elected representatives of the people will have a deep historical significance in the state life of Russia.”⁸³

Touching upon the issues of internal paradoxes and inconsistencies at the level of the functioning of the central bodies, Witte wrote that the State Duma was only pretending to have legislative independence, but in fact it was subordinate to the State Council.⁸⁴ As an example, he cited the actions of the State Duma at the time of the solution of the peasant issue, which was the most pressing problem at the turn of the 19th–20th centuries. Witte pointed out that as soon as the Duma raised the question of compulsory alienation of private land, it was dissolved.⁸⁵

Parties became legal participants in the political process in the Russian Empire after the Manifesto of the 17th of October. In the *Memoirs*, Witte described them in an unflattering way. The memoirist gave the following characterization to the Black Hundreds and left-wing revolutionaries:

They [the Black Hundreds] do not differ from the extreme left-wing revolutionaries either in their methods or in their slogans (the end justifies the means); they differ from them [the Black Hundreds from the left-wing revolutionaries] only in that the left-wing revolutionaries are people who have gone astray, but fundamentally the majority of them are honest people, true heroes who sacrifice everything and their lives for false ideas, while , the Black Hundreds, in the vast majority of instances, pursue selfish goals, the lowest, the goals of the stomach and the pocket. These are types of meal-mongers and murderers from around the corner. They are ready to commit murder as well as the left-wing revolutionaries are, but the majority of the latter do this kind of sport themselves, while the Black Hundreds hire murderers; their army is the lowest rank hooligans.⁸⁶

⁸² Witte, *Memoirs*, 1035.

⁸³ “Proekt tronnoi rechi Nikolaya II i Gos. sovetu i Gos. Dume” [Nicholas II’s draft speech from the throne to the State Council and the State Duma]. RGIA. F. 1276, op. 1, d. 48, l. 1.

⁸⁴ Witte, *Memoirs*, 1036.

⁸⁵ Witte, *Memoirs*, 1036.

⁸⁶ Witte, *Memoirs*, 803.

As for the liberal political forces, Witte did not express his sympathy for them either. He sarcastically called the Kadets “the so-called Kadets,” implying that the representatives of this party were far from constitutional and democratic views.⁸⁷

If instead of establishing a normally functioning constitution, the 17th of October has so far produced only a revolution, the main blame falls on the Kadets and their leaders. In essence, they wanted not a constitutional monarchy but a republic with a hereditary president, and even that only for some time to come, as long as the “monarchical prejudice” existed among the people.⁸⁸

Conclusion

Using the research optics of performative turn for the analysis of the *Memoirs* by Sergei Witte, the authors came to the following conclusions:

- Authoritative discourse (a discourse with special properties, organized around an external dogma which is not subject to doubt) was put forward by the representation of images of the monarchy: the central figure of this highly personalized institution was a strong, noble autocratic ruler. Witte noted that during the reign of Emperor Alexander III, the socio-economic and geopolitical situation justified the policy of unlimited autocracy, and Emperor Alexander III possessed a set of necessary “noble qualities” that allowed him to be an “unlimited most noble monarch.”

After Nicholas II's accession to the throne, the socio-political situation changed and the old methods no longer worked. While Witte was in charge of the finance department, the transformation of authoritative discourse was hidden from prying eyes. In the height of the 1905 Revolution, when he was the prime minister of the transitional government, the performative turn of the authoritative discourse became obvious to many, including himself.

Authoritative discourse underwent a performative shift when a ruler who was not endowed with a set of noble qualities appeared on the throne. The form of authoritative discourse remained unchanged, but its content underwent significant changes.

- In order to restore the correspondence between the form and the content of authoritative discourse, it was necessary to consistently transform the unlimited autocracy into a monarchy of the European type, in order to eventually come up to a constitution in a peaceful and bloodless way. Unless that was done, the paradoxicality of the discourse, meanings and practices of the Russian monarchy were inevitable to increase according to Sergei Witte.

⁸⁷ Witte, *Memoirs*, 212.

⁸⁸ Witte, *Memoirs*, 624.

- In the pages of the *Memoirs*, the political portrait of Emperor Alexander III looks contradictory: on the one hand, Witte criticized the education and mental abilities of the emperor, as well as his reactionary policy at the beginning of the reign, on the other hand, he noted the personal qualities of the emperor which allowed him to be a “noble unlimited monarch” and also expressed the idea that socio-political views of this Russian autocrat transformed.

The figure of Emperor Nicholas II looks extremely controversial and paradoxical in the pages of the memoirs. On the one hand, the emperor appears as a kind, benevolent, educated and well-mannered ruler; on the other, he is presented as a weak-willed tsar who is under the influence of his wife and does not tolerate strong and authoritative personalities around him.

One of the key ideas of the *Memoirs* is that Emperor Alexander III was able to pursue a policy aimed at maintaining and preserving autocracy,⁸⁹ while Nicholas II, on the contrary, could not support autocracy and allowing either retrogradism or excessive and inappropriate liberalism.⁹⁰

- Witte's resignation from the post of the minister of finance was one of the catalysts for the performative turn of the authoritative discourse. After his resignation, he was removed from participation in Far Eastern politics, and soon the Russian-Japanese war began, which Witte opposed. It is no coincidence that he was the key actor in the signing of the Portsmouth Peace Treaty, which completed the failed Far Eastern adventure. Witte repeatedly stressed that the Russian-Japanese war was the catalyst for the 1905 Revolution.

- During Witte's tenure in the prime minister post, the performative shift of the authoritative discourse became apparent. The Russian monarchy continued to remain the same in form, but its content underwent significant changes. The authorities applied the old management mechanisms that did not work under the new conditions to the new institutions, which led to catastrophic consequences. Thus, while the form was preserved, there were “displacement” and “emasculatation” of the content.

In practice, the new institution (the State Duma) was restrained by the old institution (the State Council). With regard to the new institution, the top authorities used the old governance mechanisms. This was most clearly manifested at the time when the peasant issue was discussed. According to Witte, legalization of political parties in Russia by no means spoke for democratic changes. The Black Hundreds in the *Memoirs* are considered a greater evil than the radical left parties, and the liberals are presented as politicians who dream of snatching power from the hands of the sovereign. As for the restoration of correspondence between the content and the form,

⁸⁹ Witte, *Memoirs*, 179.

⁹⁰ Witte, *Memoirs*, 176.

the memoirist expressed an opinion that it is vitally important for the Russian autocracy to transform into a monarchy of the European type.

- The principles of the functioning of the paradoxical system, described in the *Memoirs*, predetermined the collapse of monarchy. Russia at the turn of the 19th–20th centuries appears in the memoirs as a system, powerful and fragile at the same time, consisting of complementary and mutually defining contradictions. The monarchy had not adapted to the new realities of life but in the new conditions it resorted to the old mechanisms of governance that did not work, which ultimately led to disastrous consequences.

Список литературы

Бахманн–Медик Д. Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / перевод с немецкого С. Ташкенова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 502 с.

Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / ответственные редакторы: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – С. 5–37.

Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 480 с.

Демехина Д.О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера // Артукульт. – 2017. – № 28 (4). – С. 144–152.

Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки: сборник статей / ответственный редактор М.А. Кукарцева. – Москва: Канон+, 2011. – С. 226–235.

Ильин С.В. Витте. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 511 с.

Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С.Ю. Витте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 87. – Ч. 2. – С. 16–19.

Кирьянов И.К. «Номо politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2004. – № 3. – С. 70–78.

Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. – Санкт-Петербург: Петрополис, ЛЮДОВИК, 2008. – 520 с.

Романович Н.А. Образ власти как отражение российской политической культуры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 169–172.

Сагинадзе Э.О. Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 280 с.

Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 296 с.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. – Москва: РОССПЭН, 2018. – 351 с.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / перевод с английского И.А. Пильщикова. – Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. – 605 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

Burke K. *A Grammar of motives*. – New York: Prentice-Hall, 1945. – 517 p.

Geertz C. *Negara: the theatre state in nineteenth-century Bali*. – Princeton: Princeton University Press, 1980. – 295 p.

Lieven D. *Towards the flame. Empire, war and the end of tsarist Russia*. – London: Penguin books, 2016. – 429 p.

Turner V. *Dramas, fields, and metaphors: symbolic action in human society*. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1975. – 316 p.

Wcislo F.W. *Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849–1915*. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 329 p.

Wortman R. *Visual texts, ceremonial texts, texts of exploration: Collected articles on the representation of Russian monarchy*. – Boston: Academic Studies Press, 2014. – 256 p.

References

Bakhmann-Medik, D. *Kul'turnye povoroty: novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural turns. Neuorientierungen in den kulturwissenschaften]. Translated by S. Tashkenov. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Boitsov, M.A. “Chto takoe potestarnaya imagologiya?” [What is potestar imagology?]. In *Vlast' i obraz. Ocherki potestarnoi imagologii* [Power and image. Essays on potestar imagology], edited by M.A. Boitsov and F.B. Uspenskii, 5–37. St Petersburg: Aleteiya, 2010. (In Russian)

Burke, K. *A Grammar of motives*. New York: Prentice-Hall, 1945.

Demekhina, D.O. “K voprosu o kontseptualizatsii performansy: versiya Richarda Shekhnera” [Revisiting conceptualization of performance: version by Richard Schechner]. *Artikul't*, no. 28 (4) (2017): 144–52, <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-4-144-152> (In Russian)

Domanska, E. “Performativnyi povorot v sovremennom gumanitarnom znanii” [Performative turn in modern humanitarian knowledge]. In *Sposoby postizheniya proshlogo. Metodologiya i teoriya istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Ways to comprehend the past. Methodology and theory of historical science: collected articles], edited by M.A. Kukartseva, 226–35. Moscow: Kanon+, 2011. (In Russian)

Geertz, C. *Negara: The theatre state in nineteenth-century Bali*. Princeton: Princeton University Press, 1980.

Grigor'ev, S.I. *Pridvornaya tsenzura i obraz verkhovnoi vlasti* [Court censorship and the image of the supreme power]. St Petersburg: Aleteiya, 2007. (In Russian)

Il'in, S.V. *Witte*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012. (In Russian)

Karabushchenko, P.L. “Imperskie elity Rossii v vospominaniyakh grafa S.Yu. Witte” [The imperial elite of Russia in the memoirs of Count S. Witte]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, no. 87, pt. 2 (2015): 16–19. (In Russian)

Kir'yanov, I.K. “‘Homo politicus’ i publichnyi politik v Rossii nachala XX veka” [‘Homo Politicus’ and a public politician in Russia in the early 20th century]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 3 (2004): 70–78. (In Russian)

Lieven, D. *Towards the flame. Empire, war and the end of tsarist Russia*. London: Penguin books, 2016.

Martynov, S.D. *Gosudarstvennyi chelovek Witte* [Statesman Witte]. St Petersburg: Petropolis, LYUDOVIK, 2008. (In Russian)

Romanovich, N.A. "Obraz vlasti kak otrazhenie rossiiskoi politicheskoi kul'tury" [The image of power as a reflection of Russian political culture]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 1 (2010): 169–72. (In Russian)

Saginadze, E.O. *Reformator posle reform: S.Yu. Witte i rossiiskoe obshchestvo. 1906–1915 gody* [The reformer after the reforms: Sergei Witte and the Russian society. 1906–1915]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Khozyain zemli russkoi? Samoderzhavie i byurokratiya v epokhu moderna* [The owner of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the Modern Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: The problem of lawmaking]. Moscow: ROSSPEN, 2018. (In Russian)

Turner, V. *Dramas, fields, and metaphors: symbolic action in human society*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1975.

Uortman, R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii: Materialy i issledovaniya* [Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy]. 2 vols. Vol. 2, *Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II* [From Alexander II to the Abdication of Nicholas II]. Translated by I.A. Pil'shchikov. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2004. (In Russian)

Wcislo, F.W. *Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849–1915*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Wortman, R. *Visual texts, ceremonial texts, texts of exploration: Collected articles on the representation of Russian monarchy*. Boston: Academic Studies Press, 2014.

Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no moайловре: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Заявленный вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: All authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Информация об авторе

Константин Ильич Шнейдер – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и археологии, <https://orcid.org/0000-0003-1762-0815>, kshneyder@yahoo.com, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990 Россия, Пермь, ул. Букирева, 15)

Ирина Николаевна Веревкина – аспирант кафедры истории и археологии, <https://orcid.org/0000-0001-9366-2190>, arina_verevkina@mail.ru; Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990 Россия, Пермь, ул. Букирева, 15)

Information about the author

Konstantin I. Shneider – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Archaeology, <https://orcid.org/0000-0003-1762-0815>, kshneyder@yahoo.com, Perm State University (15, ul. Bukireva, Perm, Russia, 614990)

Irina N. Verevkina – PhD Student, Department of History and Archeology, <https://orcid.org/0000-0001-9366-2190>, arina_verevkina@mail.ru, Perm State University (15, ul. Bukireva, Perm, Russia, 614990)

Статья поступила в редакцию 08.04.2021; одобрена после рецензирования 17.05.2021; принята к публикации 04.06.2021.

The article was submitted 08.04.2021; approved after reviewing 17.05.2021; accepted for publication 04.06.2021.